

оказалось, как известно, 230 добавочных строк. И никто даже не возражал против этого, так как в ту пору это было в порядке вещей. И до нынешнего года его перевод считался по всей справедливости лучшим, потому что другие переводы „Сна в летнюю ночь“ отстояли еще дальше от подлинника. А когда известный украинский переводчик М. Старицкий перевел всего „Гамлета“ вместо ямбов хореем, — этот вандализм не только сошел ему с рук, но даже встретил горячих защитников¹.

Теперь такому самоуправству конец. Теперь искусство перевода находится под контролем науки. Теперь наши первые требования, предъявляемые к каждому переводу стихотворного текста, — эквилинеарность и эквиритмичность, т. е. равное количество строк и полное соответствие ритмики. Теперь даже такой слабый переводчик Шекспира, каким оказался Кузмин, и тот, как мы видим, принимает все меры, чтобы выполнить эти строгие требования, невыполнение которых ощущается теперь как преступление.

Еще ревностнее в этом отношении другой переводчик Шекспира, поэт Михаил Лозинский. Его перевод „Гамлета“ можно читать рядом с подлинником как идеальный подстрочник.

В подлиннике 2718 стихов — и в переводе 2718, при чем эквиритмия соблюдена изумительно:

¹ „Гамлет“, в переводе М. Старицкого. Изд-во „Книгоспілка“, 1929. Защитником недопустимых причуд переводчика выступил А. Ніковський. См. кн. О. Фінкеля, Теорія й практика перекладу, Харків, 1929, стр. 146.

если в подлиннике одна строка впятеро короче других, в переводе ей соответствует столь же короткая. Если в подлинник вкраплены четыре строки, написанные размером старинных баллад, с внутренними рифмами в каждом нечетном стихе, будьте уверены, что в переводе воссозданы точно такие же ритмы и точно такие же рифмы.

И все это, конечно, превосходно. Но я тут же тороплюсь заявить, что я отнюдь не такой безусловный поклонник этого великолепного принципа, что прежде, чем слепо применять его всегда и везде во всех случаях при переводе шекспировых текстов, нам надлежит учесть целый ряд неблагоприятных последствий, которые вытекают порою из слишком прямолинейного и безоглядного его применения. Ибо мне известны десятки и сотни примеров, когда такая чрезмерная забота о точности приводила, как это ни странно, к неточности; когда хлопоты о строгом соответствии *количества* строк сильно снижали их *качество*; словом, когда переводчики — даже самые лучшие — приносили этому принципу такие огромные жертвы, что причиняли советским читателям неисчислимое количество убытков.

И не нужно думать, что эти убытки терпят лишь читатели Шекспира. Нет, переводы Гёте, сделанные с той же якобы научною „точностью“, нанесли советскому читателю еще больший ущерб. А десятки других переводов, сделанных с грузинского, с армянского, с еврейского, с украинского, с польского, обладают той же иллюзорною псевдонаучною „точно-